

Азбука
PREMIUM

ДЖУЗЕППЕ ТОМАЗИ ДИ ЛАМПЕДУЗА

Леопард. Новеллы

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
Л 34

Giuseppe Tomasi di Lampedusa
IL GATTOPARDO

Copyright © Giangiacomo Feltrinelli Editore, Milano, 1969, 2002
First published by Giangiacomo Feltrinelli Editore in 1968
Preface to IL GATTOPARDO

Copyright © 2006, Gioacchino Lanza Tomasi
I RACCONTI

Copyright © Giangiacomo Feltrinelli Editore, Milano, 1961, 1988
First published by Giangiacomo Feltrinelli Editore in 1961
Preface to I RACCONTI

Copyright © 2014, Gioacchino Lanza Tomasi
All rights reserved

Перевод с итальянского
Е. Дмитриевой, И. Заславской, М. Заславской,
Г. Киселева, Е. Солоновича

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки И. Кучмы

© Е. Дмитриева (наследник), перевод, 2017
© И. Заславская, перевод, 2017
© М. Заславская, перевод, 2017
© Г. Киселев, перевод, 2017
© Е. Солонович, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-12727-2

Леопард

Роман

ЛЕОПАРД

Часть первая

Май 1860

*«Nunc et in hora mortis nostrae. Amen»**.

Ежевечернее чтение Розария завершилось. В течение получаса ровный голос князя напоминал Скорбные Тайны, и в течение получаса ему приглушенно вторил хор других голосов, сплетаясь в волнистую ткань, на которой золотыми цветами выделялись особенные слова — «любовь», «непорочность», «смерть». На то время, пока звучал этот нестройный хор, зал в стиле рококо, казалось, преобразился: даже попугаи, распутившие свои радужные крылья на обитых шелком стенах, выглядели притихшими, а Мария Магдалина в простенке между окнами из светловолосой, погруженной в смутные мечтания красавицы, какой она была всегда, превратилась в кающуюся грешницу.

Окончание молитвы означало возвращение к обычному порядку или, вернее, беспорядку. В дверь, через которую вышли слуги, вбежал, виляя хвостом, дог Бендикó, обиженный недавним изгнанием. Со своих мест неспешно поднимались женщины, и их скользящие по полу юбки открывали мало-помалу наготу античных фигур на молочно-белых мраморных плитах. Дольше всех оставалась закрытой Андромеда: сутана падре Пирроне, продолжавшего молиться уже в одиночестве, не позволяла ей увидеть серебряного Персея, который, перелетая через волны, спешил освободить ее и прижаться устами к ее устам.

* «Ныне и в час нашей смерти. Аминь» (лат.).

На потолочных фресках проснулись божества. Из морей и с горных вершин сквозь малиновые и пурпурные облака к живописной Конке-д'Оро* устремились многочисленные тритоны и дриады, торопясь вознести хвалу дому Салина и нарушая в своем неумном ликовании элементарные законы перспективы. Старшие боги, боги из богов — молниеносный Юпитер, мрачный Марс и томная Венера, окруженные тесной толпой меньших собратьев, с явным удовольствием поддерживали герб — танцующего на голубом поле леопарда. Они знали, что на двадцать три с половиной часа вилла опять переходит в их безраздельное владение. Обезьянки на стенах взялись за старое и уже снова строили рожи какаду.

Вслед за обитателями палермского Олимпа и смертные дома Салина спешили вернуться из заоблачных сфер. Голубоглазые девушки обменивались взглядами и школьными словечками, расправляли замявшиеся платья. Прошло больше месяца после «беспорядков» 4 апреля 1860 года**, когда их, воспитанниц монастыря Спасителя, предосторожности ради забрали домой, и они скучали по дортуарам с балдахинами, где поверяли друг другу перед сном свои тайны. Младшие мальчики уже успели сцепиться, не поделив образок святого Франциска. Паоло, герцогу Кверчетскому, первенцу и наследнику, хотелось курить, но курить в присутствии родителей он стеснялся и только сжимал в кармане портсигар из плетеной соломки; лицо его выражало страдание и безысходную тоску, у него были все основания считать этот день неудачным: во-первых, ему показалось, что начал сдавать Гвискардо, ирландский гнедой жеребец, а во-вторых, от Фанни не было очередной

* *Конка-д'Оро* — долина в окрестностях Палермо, своим названием (Золотая Раковина) обязана золотоносному некогда песку реки Амиральо. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

** 4 апреля 1860 г. в Палермо вспыхнуло народное восстание, направленное против власти Бурбонов и Церкви. Подавленное в столице, оно еще продолжалось некоторое время в ее окрестностях.

записочки на фиолетовой бумаге (не смогла передать или не захотела?). Ради чего в таком случае было воскресать Христу? Княгиня резким нетерпеливым движением бросила четки в расшитый черным бисером ридикюль и взглянула своими красивыми, фанатично горящими глазами сначала на детей-рабов, потом на тирана-мужа, любовного подчинения которому безнадежно желало ее слабое тело.

Сам князь, простоявший всю молитву на коленях, в эту минуту поднимался на ноги. Пол дрогнул под тяжестью крупного тела, и в светлых глазах князя промелькнуло самодовольство от этого весьма сомнительного подтверждения его безграничной власти не только над людьми, но и над миром вещей. Он положил огромный красный служебник на стоявший перед ним стул и убрал платок, который подстилал под колени; взгляд его слегка омрачился, упав на маленькое кофейное пятнышко, посмевшее еще утром осквернить безукоризненную белизну жилета.

Массивный, но не грузный, князь отличался огромным ростом и недюжинной силой: в домах, рассчитанных на простых смертных, он задевал головой нижние розетки люстр; его пальцы сминали дукаты, точно веленевую бумагу, а в ювелирную мастерскую с виллы Салина то и дело носили чинить ложки и вилки, которые он, сдерживая за столом приступы гнева, сгибал дугой. Но те же пальцы были способны и к нежной ласке, о чем, на свою беду, не забывала его жена Мария-Стелла, и к самой тонкой работе: блестящие рычажки, колесики и кнопочки «искателей комет» — телескопов и подзорных труб, заполнявших личную обсерваторию князя под крышей виллы, знали деликатную легкость их прикосновений. Лучи закатного майского солнца добавили румянца розовой коже и золотистого блеска светлым волосам, выдававшим немецкое происхождение дона Фабрицио по линии матери, княгини Каролины, чья надменность тридцать лет назад приводила в оцепенение развращенный двор короля обеих

Сицилий*. И хотя светлая кожа и светлые волосы, выделяя князя среди смуглолицых брюнетов и брюнеток, придавали ему особую привлекательность, от бродившей в нем, сицилийском аристократе, закваски немецких предков в 1860 году было больше вреда, чем пользы: крутой характер, непоколебимость моральных устоев, склонность к философствованию трансформировались в гнилой среде палермского общества в самодурство, постоянные угрызения совести и презрение к родственникам и друзьям, которые, по убеждению князя, даже не пытались выбраться из застойного болота сицилийского прагматизма.

Первый (и последний) в роду тех, кто за века так и не научился сложению своих доходов и вычитанию расходов, князь обладал незаурядными способностями к математике. Найдя им приложение в астрономии, он добился общественного признания, не говоря уже о том, что эти занятия доставляли ему огромное наслаждение. Он так гордился своим аналитическим даром, что начал верить, будто звезды подчиняются в своем движении его расчетам (а может, так оно и было?) и две открытые и названные им Салина и Резвый (одна в честь родовых владений, другая в память о любимой гончей) крошечные планеты прославляют на безжизненных пространствах от Марса до Юпитера его дом, а значит, старинные фрески на вилле не столько апофеоз, сколько пророчество.

Унаследовав от матери гордыню и интеллект, а от отца чувственность и легкомыслие, бедный князь Фабрицио неизменно пребывал в недовольстве и, хотя напускал на себя вид Громовержца, безучастно наблюдал за гибелью своего сословия и собственного состояния, ничего не делая и не желая делать, чтобы изменить положение вещей.

* Государство, просуществовавшее с 1815 по 1860 г., было создано после поражения Наполеона по решению Венского конгресса и объединило два королевства — Неаполитанское и Сицилийское. Неаполь был возвращен королю Фердинанду IV, который принял титул короля обеих Сицилий под именем Фердинанда I.

Полчаса между вечерней молитвой и ужином были временем относительного умиротворения, и он заранее предвкушал эти минуты пусть и обманчивого, но все-таки покоя.

Следом за Бендиком, который, обрадовавшись прогулке, весело бежал впереди, князь спустился по короткой лестнице в сад. Прилегавший одной стороной к дому, а с трех других огороженный стеной, сад больше напоминал кладбище, и это впечатление усиливали ровные ряды насыпей вдоль оросительных канав, похожих на могилы каких-то исхудавших гигантов. На красноватой почве сада растения росли в полнейшем беспорядке, цветы цвели как бог на душу положит, а живая изгородь из мирта по бокам аллеи скорее преграждала, чем направляла путь. Флора в глубине сада, вся в желто-черных пятнах лишайника, продолжала по привычке выставлять напоказ свои более чем вековые прелести; подушки из того же серого мрамора, что и статуя, украшавшие некогда две симметрично стоящие скамьи, сдвинулись с мест и растрескались; и лишь золотой куст акации в углу нарушал картину запустения своим неуместным весельем. Все здесь говорило о стремлении к красоте, быстро побежденном ленью.

Зажатый в четырех стенах, сад этот источал приторный запах гниющей плоти, вызывая в памяти пропитанные елеем святые мощи. Всепроникающая острота гвоздики заглушала церемонное благоухание розы и маслянистый дух разросшихся у стен магнолий; кондитерская сладость мирта смешивалась с младенчески чистым ароматом акации; от земли веяло свежестью мяты, а из апельсиновой рощи по ту сторону стены — первым альковным флердоранжем.

Этот сад мог доставить удовольствие лишь слепому: вид его был оскорбителен для глаз, зато обоняние услаждали запахи — пусть не изысканные, но сильные. Роза *Paul Neyron*, черенки которой князь лично привез из Па-

рижа, выродилась. Дружно принявшись поначалу, изнежившись на тучной и ленивой сицилийской земле, обгорев под безжалостным июльским солнцем, она стала выглядеть просто непристойно: ее цветки, уже не розовые, а бланжевые, больше напоминали головки брокколи и так бесстыже пахли, что ни один французский садовод не признал бы в них знаменитый сорт. Князь сорвал цветок, поднес к носу, и ему вспомнился запах тела одной балерины из Гранд-опера в минуты их близости. Бендико, которому он тоже предложил понюхать цветок, с отвращением отскочил в сторону и поспешил на поиски более естественных запахов, исходящих от перегноя и дохлых ящериц.

Ароматы, наполнявшие сад, вызвали у князя на этот раз череду мрачных воспоминаний: «Сейчас-то здесь хорошо дышится, а месяц назад...»

И он, передернувшись от отвращения, вспомнил распостранившееся по всей вилле тошнотворное зловоние, источник которого не сразу удалось определить: это был труп молодого солдата Пятого егерского батальона, раненого в бою с отрядами бунтовщиков у Сан-Лоренцо. Бедняга дополз до сада и умер под лимонным деревом. Облепленный муравьями, он лежал в густом клевере, уткнувшись лицом в кровавую рвоту, впившись ногтями в землю; под портупейными ремнями растеклись лиловатые кишки. Обнаружил его Руссо, управляющий. Он перевернул разлагающееся тело на спину, прикрыл лицо своим большим красным платком, веткой запихнул кишки обратно в живот, прикрыл рану фалдой зеленого мундира. И все это с подозрительной ловкостью, словно проделывал подобное не в первый раз. При этом он беспрерывно плевался от отвращения, правда в сторону, а не прямо на покойника. «Эти грязные свиньи, — проворчал он, — и после смерти продолжают смердеть». Вот и вся поминальная церемония по усопшему. Когда потрясенные увиденным товарищи по оружию унесли его (вернее, оттащили волоком

к повозке, так что кишки вывалились снова, как набивка из разодранной куклы), к вечернему Розарию была добавлена молитва *De Profundis* — за упокой души безымянного солдата. Воздав таким образом должное погибшему, женщины успокоились, и больше о нем в доме не вспоминали.

Дон Фабрицио попробовал соскрести лишайники с ног Флоры, после чего принялся шагать по саду из конца в конец. Заходящее солнце удлиняло тени, так что клумбы все больше напоминали надгробные холмики. Да, об убитом больше не говорили, и в самом деле, что о нем говорить? В конечном счете солдат есть солдат, ему положено умирать за короля... Но тело со вспоротым животом постоянно всплывало перед глазами и словно молило о покое, обрести который ему было не дано до тех пор, пока князь не найдет неоспоримых доказательств, способных оправдать столь мучительный конец. Ладно, пусть умирать за кого-то или во имя чего-то в порядке вещей, но при этом необходимо знать или, по крайней мере, верить, что тот, кто умер, тоже знал, за кого или за что он отдал свою жизнь. На изуродованном лице застыл вопрос, но ответа у князя не было.

«Да за короля он умер, дорогой Фабрицио, что тут неясного? — ответил бы шурин Мальвика, если бы князь спросил его (этот Мальвика всегда выражал общепринятое мнение). — За короля, который олицетворяет собой порядок, преемственность, приличия, право и, безусловно, честь. За короля — единственного, кто способен оградить Церковь и защитить собственность — истинную цель заговорщиков».

Слова прекрасные, лучше не скажешь, они отвечают и его сокровенным чувствам, но почему тогда на сердце кошки скребут? Да, король... Он хорошо знал короля, того, который недавно умер. Теперешний — семинарист в генеральском мундире; от такого, честно говоря, мало проку.

«Это не аргумент, Фабрицио, — слышались князю возражения Мальвики, — некоторые правители могут быть и не на высоте, но от этого ничего не меняется. На идею монархии отдельные монархи не влияют».

«Ты и на этот раз прав, но согласись, короли, как носители идеи, не могут, не имеют права опускаться ниже определенного уровня, иначе со временем, дорогой шурин, пострадает и сама идея».

Сидя на скамье, князь с полной безучастностью наблюдал за тем безобразием, которое чинил на клумбе Бендико. Время от времени пес бросал на хозяина невинные взгляды, словно ждал похвалы за свой разорительный труд: четырнадцать сломанных гвоздик, поваленная загородка, засыпанная землей оросительная канава. Право, рвение, достойное истинного христианина!

— Молодец, Бендико, подойди ко мне!

Собака подбежала и ткнулась перепачканным носом в руки хозяина, прощая его за то, что он попусту отрывает ее от важного дела.

Аудиенции у короля Фердинанда...* Сколько их было! И в Казерте, и в Неаполе, и в Каподимонте, и в Портачи, и черт знает где еще.

Дежурный камергер, с треуголкой в согнутой руке и последними неаполитанскими сплетнями на языке, долго вел его по нескончаемым залам (прекрасную архитектуру которых уродовало убранство столь же отвратительное, как и сами Бурбоны), по тусклым переходам и запущенным лестницам, пока не привел в приемную, где уже ожидали очереди доносчики с пустыми лицами и алчные попрошайки, попавшие сюда по протекции. Камергер, с извинениями освобождая дорогу среди этого толпящегося

* *Фердинанд II* (1810–1859) — с 1830 г. король обеих Сицилий. Властолюбивый и ограниченный, он не оправдал надежд неаполитанских либералов, и все его царствование было отмечено борьбой с оппозицией.

сброда, провел его в другую приемную — небольшую комнату нежно-голубых тонов, предназначенную для придворных. После недолгого ожидания в дверь постучал лакей, и князя допустили к августейшей особе.

Личный кабинет короля был невелик и нарочито прост: на побеленных стенах портреты короля Франциска I* и здравствующей королевы с желчным лицом; над камином Мадонна работы Андреа дель Сарто, казавшаяся растерянной от соседства с расцвеченными литографиями третьеразрядных святых и неаполитанских храмов; на почетном месте восковая фигурка младенца Иисуса с зажженной перед ней лампадкой, а на огромном письменном столе бумаги — белые, желтые, голубые, горы бумаг в ожидании завершающего акта — личной подписи его величества (с неизменным добавлением *Божьей милостью*).

Сам король — за этими бумажными баррикадами. Уже стоит, чтобы не ронять достоинства, вставая при появлении князя. Большое бледное лицо, обрамленное светлыми бакенбардами, военный мундир из грубого сукна, сползающие панталоны неопределенного цвета морщат на коленях. Король делает шаг вперед, привычно протягивая правую руку для поцелуя, но тут же спохватывается:

— Салина! Благословенны глаза, что видят тебя!

Неаполитанский говор короля режет уши еще сильнее, чем говор камергера.

— Прошу ваше величество извинить меня за отсутствие придворного мундира. Дело в том, что я здесь проездом и не мог упустить случая засвидетельствовать вашему величеству свое глубочайшее почтение.

— О чем ты говоришь, Салина! Ты же знаешь, в Казерте ты у себя дома. Так что, пожалуйста, без церемоний, — отвечает король, садясь за стол и предлагая князю (с не-

* *Франциск I* (1777–1830) — сын Фердинанда I, в 1812–1815 гг. правитель Сицилии, с 1825 г. король обеих Сицилий. В молодости отличавшийся либеральными взглядами, затем отрекся от них и во время своего царствования всячески боролся с либерализмом.

большим, правда, промедлением) последовать его примеру. — Как там девочки?

В вопросе таится пикантная двусмысленность, и князь решается ее обыграть.

— Какие девочки, ваше величество? — с невинным видом изумляется он. — В моем-то возрасте, и притом что я связан священными узами брака.

Губы короля растягиваются в улыбке, но руки, перебирающие бумаги, выдают раздражение.

— Да как ты мог подумать такое, Салина? Я спросил про твоих дочек, про юных княжон. Кончетта, наша любимица, наверно, уже большая, совсем барышня?

После семейной темы он переходит к науке:

— Ты, Салина, прославляешь не только себя, ты прославляешь все королевство! Наука — великая сила, но она не должна посягать на Церковь.

Затем дружеская маска снимается, ее заменяет строгая маска государя.

— Скажи-ка, Салина, а что говорят на Сицилии про Кастельчикалу?

Много чего говорят. Монархисты — одно, либералы — другое, но дон Фабрицио не намерен предавать друга, поэтому отвечает уклончиво, старается отделаться общими фразами:

— Достоинейший человек, кровь проливал за отечество, но, возможно, в силу преклонного возраста ему уже трудно исполнять обязанности наместника.

Король мрачнеет: Салина не хочет прослыть доносчиком, ну что ж, нечего тогда на него и время тратить. Опершись руками о стол, он собирается распрощаться:

— Столько дел! Все королевство держится вот на этих плечах.

На лице короля снова маска друга; последние слова — как сладкое на десерт:

— Когда будешь в Неаполе, Салина, покажи Кончетту королеве. Знаю, знаю, представлять ко двору ее еще рано,

слишком молода, но почему бы не устроить приватный обед, кто нам это запретит? Как говорится, макароны на пользу, дети на радость. Будь здоров, Салина, мы желаем тебе всего хорошего.

Однажды прощанье получилось неприятным. Дон Фабрицио, пятясь назад, уже успел, как положено по этикету, поклониться второй раз, когда король снова к нему обратился:

— Послушай, Салина, говорят, ты завел в Палермо дурные знакомства. Этот твой племянник, Фальконери, почему ты ему мозги не вправишь?

— Ваше величество, но Танкреди интересуют только карты и женщины.

Король вышел из себя:

— Ты совсем рехнулся, Салина? Не забывай, что ты опекун, а значит, за него отвечаешь. Скажи ему, пусть поостережется, а то ведь можно и головой поплатиться. Мы желаем тебе всего хорошего.

Проходя на обратном пути через те же помпезные залы (требовалось еще расписаться в журнале королевы), князь впал в полное уныние. Плебейское панибратство короля было не лучше его полицейских угроз. Блажен, кто верует, будто фамильярность — знак дружбы, а гнев — проявление королевского величия. Ему претит и то и другое. Болтая с безукоризненно вежливым камергером о всякой всячине, он думал про себя: какая судьба ждет эту монархию, уже отмеченную знаком смерти? Бурбонов сменит Пьемонтец* — этот фат, поднявший столько шуму в своей заштатной столичке? И что от этого изменится? Скорее всего, только диалект: придется привыкать к туринскому вместо неаполитанского.

Дошли наконец, и он расписался в журнале: *Фабрицио Корбера, князь ди Салина*.

* Имеется в виду Виктор Эммануил II (1820–1878), последний король Сардинии и первый король объединенной Италии.

А если будет республика Пеппино Мадзини? * Нет уж, спасибо, тогда он станет просто *гражданином Корберой*.

За долгий обратный путь он так и не успокоился. Даже предстоящее свидание с Корой Данола не смогло отвлечь его от мрачных мыслей.

Что делать, если уже ничего нельзя поделывать? Держаться за то, что осталось, и смириться? Или все решит сухой треск выстрелов, как это недавно произошло на одной из площадей Палермо? Но даже выстрелы, что они изменят?

— Одним *бабах* ничего не добиться, правда, Бендико? *Динь-динь-динь* — зазвенел колокольчик, созывая к ужину, и Бендико, роняя слюни в предвкушении еды, помчался к дому.

«Ну вылитый Пьемонтец», — подумал Салина, поднимаясь по лестнице.

Ужин на вилле Салина сервировали с претензией на роскошь, увлечение которой захватило в те годы Королевство обеих Сицилий. Одно лишь количество кувертов (на четырнадцать персон, считая чету хозяев, детей, гувернанток и воспитателей) уже придавало столу внушительный вид. Штопаная скатерть из тончайшего полотна сияла белизной под яркой карсельской лампой **, сикось-накось подвешенной к люстре венецианского стекла под нимфой на потолке. За окнами было еще светло, но белые

* *Пеппино* — сицилийское уменьшительное от Джузешпе. Имеется в виду Джузешпе Мадзини (1805–1875), вождь итальянского Рисорджименто — движения за национальное освобождение и объединение Италии, основатель «Молодой Италии», участник революции 1848–1849 гг.

** Карсельская лампа, или карсель, названа по имени ее изобретателя, снабдившего масляные лампы поршневым механизмом и добившегося в результате большой яркости, правильности горения и постоянства света. До распространения электричества использовалась в богатых домах Западной Европы. Во Франции сила ее горения была принята за единицу света.

фигуры на дверных притоках, имитирующие барельефы, уже слились с темным фоном. Столовое серебро отличалось массивностью, на бокалах из граненого богемского стекла красовались медальоны с монограммой *F. D.* (*Ferdinandus Dedit*), напоминая о щедром даре покойного короля, но тарелки (тоже с завидными монограммами) были из разных сервизов, почти полностью истребленных посудомойками. Самые большие и красивые, фарфорового завода в Каподимонте, с маленькими золотыми якорями на широкой кайме цвета зеленого миндаля, предназначались лишь для князя, которому нравились внушительные размеры (жена не в счет). Когда он вошел в столовую, все уже были в сборе: княгиня сидела, а остальные стояли позади своих стульев. Перед прибором князя красовалась пузатая серебряная супница огромного размера, на крышке которой танцевал леопард; рядом высилась стопка тарелок. Князь всегда сам разливал суп: не ради удовольствия, а считая эту работу неотъемлемой обязанностью главы семьи (*pater familias*). Но в этот вечер все замерли, услышав давно не раздававшиеся звуки — самые страшные звуки на свете. Один из сыновей князя, рассказывая об этом спустя целых сорок лет, говорил, что не может их забыть. Это было угрожающее постукивание разливной ложкой по стенке супницы, означавшее закипающий гнев: князь заметил, что за столом нет шестнадцатилетнего Франческо Паоло. Впрочем, тот вскоре появился и со словами «прошу прощения, папа» занял свое место. Князь сдержался, но падре Пирроне, которого статус пастыря как бы обязывал собирать в стадо всех домочадцев, втянул голову в плечи и попросил защиты у Господа. Бомба не взорвалась, но, пролетая, успела обдать сидящих за столом ледяным холодом, так что ужин все равно был испорчен. Все уткнулись в свои тарелки, а князь между тем сверлил каждого своими голубыми, чуть прищуренными глазами, заставляя цепенеть от страха.

И напрасно! Потому что при этом он думал: «Красивая семья!» Дочки свеженькие, пухленькие, с милыми ямоч-

ками на щеках и строгой складкой на переносице, передающейся по наследству в роду Салина. Сыновья стройные, худощавые, но не хилые. И аппетит у них отменный: вон как орудут вилокми! Только Джованни, второго по старшинству и самого любимого сына, нет с ними уже два года. В один прекрасный день он сбежал из дома, и два месяца о нем не было ни слуху ни духу. Наконец пришло письмо из Лондона, вежливое и холодное, в котором он извинялся за доставленные волнения, просил о нем не беспокоиться и уверял, будто скромное существование служащего какой-то угольной компании ему больше по душе, чем жизнь «в достатке» (читай: «в цепях») под родительским кровом. Для князя это был настоящий удар. Сердце сжалось от болезненных воспоминаний и тревоги за сына, блуждающего где-то в туманных потемках еретического города, и он совсем расстроился.

У него был настолько мрачный вид, что сидевшая рядом княгиня протянула свою детскую ручку и погладила лежащую на скатерти огромную лапищу мужа. Этот неосознанный сочувственный жест вызвал у князя одновременно раздражение, поскольку он не любил, чтобы его жалели, и неожиданно проснувшееся желание, правда совсем не к той, кто его невольно пробудил. Перед глазами возникла вдруг откиннутая на подушки голова Марианнины, и он сухо приказал прислуживавшему за столом слуге:

— Доменико, сходи к дону Антонио и скажи, чтобы заложил двухместную карету. После ужина я еду в Палермо.

Заметив остановившийся взгляд жены, он пожалел о своем жестоком решении, но, поскольку никогда не отменял уже отданных распоряжений, из упрямства подкрепил его еще одним, издевательским:

— Падре Пирроне, вы едете со мной. Сможете навесить своих друзей-профессов* и провести два часа в душе-спасительных беседах.

* Одна из высших степеней в иерархической структуре иезуитского ордена.

Ехать вечером в Палермо без явной причины, да еще в такое беспокойное время, — просто безумие (если, конечно, речь не идет о каких-то любовных делишках), а брать себе в попутчики домашнего священника — это уж форменное самодурство! Так, во всяком случае, распенил выходку князя падре Пирроне, но обиду сдержал.

Едва успели покончить с поданной на десерт мушмулой, как у подъезда послышался шум подкатившей кареты, и, пока слуга подавал князю цилиндр, а падре Пирроне — его черную четырехугольную шляпу, княгиня со слезами на глазах сделала последнюю, опять-таки тщетную попытку остановить мужа:

— Прошу тебя, Фабрицио, сейчас не время... на дорогах разбойники... кругом солдаты... всякое может случиться...

— Глупости, Стелла, — засмеялся он, — чепуха! Что может случиться? Да меня все знают, второй такой каланчи во всей округе не встретишь. Будь здорова. — И поспешно прикоснулся губами к ее гладкому чистому лбу, едва доходившему ему до подбородка.

И то ли запах кожи княгини пробудил в нем нежные воспоминания, то ли безропотно плетущийся позади падре Пирроне — совесть, но, уже подходя к карете, он во второй раз хотел отменить поездку. Однако едва он открыл рот, чтобы приказать кучеру возвращаться в конюшню, из окна внезапно раздался душераздирающий крик:

— Фабрицио, о мой Фабрицио! — У княгини начался очередной истерический припадок.

— Поехали! — крикнул он кучеру, сидевшему на козлах с кнутом поперек живота. — Едем в Палермо, а его преподобие отвезем в монастырь! — И захлопнул дверцу, не дожидаясь, пока это сделает лакей.

Еще не стемнело окончательно, и белая дорога между высоких стен была хорошо видна. По левую руку от нее, сразу за владениями Салина, открылась полуразрушен-

ная вилла, принадлежащая его племяннику и воспитаннику Танкредо Фальконери, беспутный отец которого, муж сестры князя, промотал свое состояние, после чего вскоре и умер. Это было полнейшее разорение, что называется, до нитки — до последнего серебряного галуна на ливреях слуг. После смерти матери, когда четырнадцатилетний Танкредо остался круглым сиротой, король назначил ему в опекуны родного дядю, князя Салину, и тот, прежде едва знавший племянника, быстро привязался к мальчику, покоровшему его, человека нетерпимого и вспыльчивого, своим веселым независимым характером, в котором легкомыслие уравновешивалось недетской подчас серьезностью. Князь предпочел бы видеть своим наследником именно его, а не дуралея Паоло, хотя никогда не признавался в этом даже себе. Сейчас Танкредо было уже двадцать, и он проводил время в развлечениях на деньги, которые опекуны щедро вынимал из своего кармана. «Что он там вытворяет, этот мальчишка, что у него на уме?» — подумал князь, когда карета поравнялась с виллой Фальконери. Разросшиеся бугенвиллеи уже почти отвоевали калитку и спускались со стены живописным шелковым каскадом, придавая вилле обманчиво роскошный вид.

«Что он там вытворяет?» — повторил про себя князь.

Конечно, король Фердинанд поступил нехорошо, пеняя ему за дурные знакомства, но на самом деле основания для этого у него были. Попав в дурную компанию карточных игроков и девиц так называемого легкого поведения, которые были от него без ума, Танкредо дошел до того, что стал симпатизировать заговорщикам и завел связи с подпольным Национальным комитетом, возможно даже и деньги у них брал; впрочем, он брал их где только мог, не исключая и королевской казны.

После четвертого апреля князю пришлось всеми правдами и неправдами выручать племянника — наносить визиты скептику Кастельчикале и приторно любезному Манискалько, чтобы отвести от мальчика удар. Это было не

очень приятно, тем не менее Танкреди он не винил: во всем виновато дурацкое время. Где это видано, чтобы мальчик из хорошей семьи не мог сыграть для своего развлечения партию в фараон, чтобы его тут же не обвинили в подозрительных знакомствах! Да, времена не те пошли, плохие времена!

— Плохие времена, ваше сиятельство, — точно подслушав его мысли, произнес падре Пирроне.

Зажатый в угол кареты своим крупным соседом и задавленный его непререкаемой властью, священник страдал телом и душой, но, будучи человеком недюжинного ума, он понимал, сколь эфемерны его собственные страдания по сравнению с событиями мировой истории. Указав на окружавшие Конку-д'Оро горы, еще не погружившиеся окончательно в темноту, он сказал:

— Смотрите, ваше сиятельство!

На склонах и на вершинах светились десятки огней. Это «отряды» каждую ночь жгли костры, безмолвно угрожая городу — оплоту королевской и монастырской власти. Словно свечи, горящие ночь напролет у ложа безнадежно больного, эти огни напоминали о смерти.

— Вижу, падре, вижу, — ответил князь и подумал, что, возможно, у одного из тех зловещих костров сидит сейчас Танкреди и своими аристократическими руками подкидывает в него сучья, которые, занявшись, эти самые руки и опалят. «И впрямь опекун из меня получился хоть куда, любую блажь своему подопечному разрешаю, какая только ему в голову взбредет».

Дорога тем временем пошла под уклон, и открылся Палермо, уже окутанный густыми сумерками. Над темными низкими домами нависали громады монастырей, иногда по два-три рядом; их здесь было великое множество: мужские и женские, бедные и богатые, аристократические и плебейские; монастыри иезуитов, монастыри бенедиктинцев, монастыри францисканцев, монастыри капуцинов, монастыри кармелитов, монастыри редемптористов, мо-

настыри августинцев... Тощие купола, похожие на женские груди, в которых не осталось ни капли молока, тянулись вверх, но сами монастыри давили на город, навязывали ему свой мрачный характер и облик, накладывали на него тень смерти, которая не отступала даже под слепящими лучами сицилийского солнца. А в ночные часы, как сейчас, они полностью подминали его под себя. Это им, монастырям, угрожали костры в горах, и зажигали их такие же люди, как и те, что в этих монастырях обитали, — фанатичные и замкнутые, алчущие власти, а проще говоря, как это обычно бывает, — праздности.

Так размышлял князь, пока лошади, перейдя на шаг, спускались вниз. Столь несвойственные ему мысли были вызваны тревогой за судьбу Танкреди и неутоленным желанием, заставлявшим его природу восставать против запретов, воплощением которых были монастыри.

Теперь дорога шла через цветущие апельсиновые рощи, и все другие запахи — запах лошадиного пота, запах сидений, запах падре Пирроне и запах князя — растворились в свадебном запахе флердоранжа, как пейзаж растворяется в лунном свете; все поглотил этот аромат коранических гурий и обещанного исламом райского блаженства.

Даже падре Пирроне расчувствовался:

— Как прекрасна была бы эта страна, ваше сиятельство, если бы...

«Если бы в ней не было столько иезуитов», — завершил про себя фразу дон Фабрицио, сладкие мечтания которого прервал голос священника. Но он тут же раскаялся в своей мысленной грубости и хлопнул старого друга по шляпе своей огромной ручищей.

На окраине города, около виллы Айрольди, карету остановил патруль. Послышались крики «Стой!» с апулийским и неаполитанским акцентом, заблестели под фонарем длинные штыки, но унтер-офицер сразу же узнал дона Фабрицио, сидевшего в карете с цилиндром на коленях.

— Проезжайте, ваше сиятельство, — извинившись, сказал он и даже посадил на козлы солдата, чтобы князя не тревожили на других заставах.

Осевшая карета покатилась медленней. Обогнув виллу Ранкибиле, миновав Террароссе и сады Виллафранки, она въехала в город через Порта-Македа. В кафе «Ромерес», что на Куаттро-Канти-ди-Кампанья, гвардейские офицеры пили из больших бокалов граниту* и смеялись, и это был едва ли не единственный признак жизни в городе, безлюдные улицы оглашались лишь мерными шагами патрульных в перекрещенных на груди белых португепях, а близлежащие монастыри — Бадиа-дель-Монте, Ле-Стиммате, И-Крочифери, И-Театини, — ко всему безучастные, погруженные во тьму, спали, казалось, вечным сном.

— Через два часа я заберу вас, падре, — сказал дон Фабрицио, — желаю хорошо помолиться.

Бедный падре Пирроне несмело постучался в дверь монастыря, а коляска тем временем скрылась в переулках.

Князь оставил карету около своего городского дворца и дальше пошел уже пешком. Идти было недалеко, но нужный ему квартал пользовался дурной славой. Солдаты в полном обмундировании, так что ясно было, что они самовольно отлучились с площадей, где стояли их части, выходили с затуманенными глазами из дверей, над которыми на хлипких балкончиках стояли горшки с базиликом, объяснявшие, почему вход в эти дома был доступен всякому. Озлобленные парни в широких штанах ссорились вполголоса, как это свойственно сицилийцам. Издалека доносились одиночные выстрелы, — видимо, у некоторых часовых сдавали нервы. Дальше улица вела к бухте

* *Гранита* — прохладительный напиток из фруктового сока или кофе с мелко дробленным льдом.

Ла-Кала, где в старом рыбацком порту покачивались на воде полусгнившие лодки, похожие на облезлых собак.

«Да, знаю, грешник я, дважды грешник! Грешу перед Богом и перед Стеллой, нарушаю святой обет, изменяю жене, которая любит меня. Завтра исповедаюсь падре Пирроне». Князь улыбнулся про себя, решив, что это, возможно, будет излишним, ведь священник и без того догадывается о цели их сегодняшней поездки, но дух самооправдания снова охватил его. «Спору нет, грешен я, но грешу, чтобы удержаться от большего греха, чтобы вырвать занозу, которая заставляет страдать мою плоть, толкая на еще больший грех. Ты же знаешь, Господи, Ты все знаешь». Ему стало жаль себя. «Я слабый человек, — думал он, властной поступью шагая по грязной бульжной мостовой, — бедный и несчастный, и никому до меня дела нет. Стелла! Любил ли я ее? Мы в двадцать лет поженились, Тебе, Господи, лучше знать. Теперь она стала слишком своенравной и постарела к тому же». Уверенность снова вернулась к нему. «Но я еще в силе, и разве может меня удовлетворить женщина, которая в постели крестится перед каждым объятием, а в минуты наивысшего наслаждения только и знает, что повторять: „Иисус Мария!“ Вначале, когда мы только поженились, меня это возбуждало, но теперь... Семерых детей мы с ней сделали, семерых, а я даже ее голого пупка не видел! Разве это справедливо?» Он готов был закричать от нестерпимой обиды.

— Я вас спрашиваю, это справедливо? — обратился он к колоннам портика Катены. — Нет, это она грешница, сама настоящая!

Неожиданное открытие его утешило и приободрило, и он решительно постучал в дверь Марианнины.

Два часа спустя князь уже возвращался назад, сидя в карете рядом с падре Пирроне. Священник был взволнован. Церковные братья, рассказывал он, ввели его в курс дела, и оказалось, что политическая обстановка куда

серьезней, чем она представлялась издалека, с виллы Салина. Все со страхом ждут высадки пьемонтцев на южной стороне острова, в районе Шакки; начальство отмечает глухое брожение среди населения; городское отребье, едва почувствовав малейший признак ослабления власти, начнет грабежи и погромы. Братья монахи встревожены, трое из них, самые пожилые, отбыли сегодня в Неаполь вечерним пакетботом, забрав с собой монастырскую документацию. Господи, спаси и сохрани нас и Церковь Христову!

Дон Фабрицио, погруженный в состояние сытого, с привкусом легкого отвращения покоя, слушал священника вполуха. Марианнина смотрела на него ничего не выражающими глазами простолюдинки, была смирной и услужливой, подчинялась ему во всем. Просто Бендико в юбке! В момент полного слияния она не удержалась от возгласа:

— Ай да князище!

Вспомнив это, он ухмыльнулся: это получше, чем *mon chat** или *mon singe blond***, как называла его в подобные минуты Сара, парижская потаскушка, с которой он встречался три года назад, когда ездил на конгресс астрономов в Сорбонну, где ему вручили серебряную медаль. Да, «князище», бесспорно, лучше, чем «моя белокурая обезьянка» и уж тем более чем «Иисус Мария» — по крайней мере, без богохульства. Марианнина — славная девочка, в следующий раз он обязательно привезет ей пунцового шелка на новую юбку.

И все-таки грустно! Слишком доступно это молодое тело, слишком бесстыдно оно в своей покорности. А сам-то он кто? Свинья, вот кто. Ему вспомнилось вдруг стихотворение, которое он случайно прочел в одной парижской книжной лавке, листая томик какого-то поэта, он

* Мой котик (фр.).

** Моя белокурая обезьянка (фр.).

уже и не помнил какого, одного из тех, что плодит каждую неделю Франция и каждую неделю забывает. Перед глазами всплыла стопка нераспроданных экземпляров ядовито-желтого цвета, страница, четная, это он запомнил, странные заключительные строчки:

Seigneur, donnez-moi la force et le courage
de regarder mon coeur et mon corps sans dégoût!*

И пока озабоченный падре Пирроне говорил про каких-то Ла Фарину** и Криспи***, князище, находясь между блаженством и муками совести, уснул, убаюканный рысью гнедых, чьи плотные крупы лоснились в свете каретного фонаря. Проснулся он уже у поворота к вилле Фальконери. «И этот хорош! Раздувает огонь, который его же и пожрет!»

Когда князь вошел в спальню, вид Стеллы, с аккуратно забранными под чепец волосами, посапывающей во сне на высокой медной супружеской кровати, растрогал его до глубины души: «Семерых детей мне подарила и принадлежала мне одному». В комнате стоял запах валерьянки, напоминая о недавнем истерическом припадке. «Бедная ты моя, бедная», — пожалел он жену, взбираясь на постель. Время шло, а он никак не мог уснуть. Господь своей всемогущей дланью смешал в одном бушующем костре пламенные объятия Марианнины, обжигающие строки неизвестного поэта и зловещие огни в горах.

А перед рассветом княгине представилась возможность осенить себя крестным знаменем.

* Заключительные строки стихотворения Бодлера «Путешествие на остров Цитера» («Цветы зла», СХХVI) (перевод Эллиса): «О, дай мне власть, Господь, без дрожи отвращенья / И душу бедную, и тело созерцать!»

** *Джузеппе Ла Фарина* (1815–1863) — революционный деятель Сицилии, боровшийся против власти Бурбонов и Церкви.

*** *Франческо Кристи* (1818–1901) — участник Рисорджименто, в 1887–1891 и в 1893–1896 гг. премьер-министр Италии.

Содержание

ЛЕОПАРД

Перевод Е. Дмитриевой

<i>Джоаккино Ланца Томази. Предисловие.</i>	
<i>Перевод И. Заславской</i>	7
ЛЕОПАРД	
Часть первая	30
Часть вторая	72
Часть третья	111
Часть четвертая	152
Часть пятая	202
Часть шестая	224
Часть седьмая	250
Часть восьмая	263
Приложения. <i>Перевод И. Заславской</i>	286

НОВЕЛЛЫ

<i>Джоаккино Ланца Томази. Предисловие.</i>	
<i>Перевод И. Заславской</i>	301
ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА. <i>Перевод И. Заславской</i>	316
Примечания. <i>Перевод И. Заславской</i>	375
СЧАСТЬЕ И ЗАКОН. <i>Перевод Е. Солоновича</i>	388
СИРЕНА. <i>Перевод Г. Киселева</i>	394
Примечания. <i>Перевод И. Заславской</i>	425
СЛЕПЫЕ КОТЯТА. <i>Перевод М. Заславской</i>	426
Примечания. <i>Перевод М. Заславской</i>	443

Лампедуза Дж. Т. ди

Л 21 Леопард ; Новеллы / Джузеппе Томази ди Лампедуза ; пер. с ит. Е. Дмитриевой, И. Заславской, М. Заславской и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 448 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-12727-2

Предлагаем читателям впервые на русском полное собрание произведений крупнейшего итальянского писателя Джузеппе Томази ди Лампедузы!

В романе «Леопард» — одном из самых известных романов XX века — рассказана история князя Фабрицио Корбера ди Салины, потомка древнего сицилийского рода. Князь Фабрицио — последний свидетель гибели старого мира, царственный Леопард, вынужденный покинуть свои владения, уступая суматошному и беспорядочному духу нового времени. Действие романа начинается в 1860 году, когда Джузеппе Гарибальди высаживается на Сицилии во главе тысячного отряда. Его появление предвещает неслыханные перемены в жизни Королевства обеих Сицилий...

В настоящем издании печатается полный, выверенный по последней авторской редакции текст романа «Леопард», а также четыре изящные новеллы: «Воспоминания детства», «Счастье и закон», «Сирена», «Слепые котята». Тексты сопровождаются статьями и комментариями Джоаккино Ланца Томази, приемного сына Лампедузы, издателя творческого наследия писателя.

УДК 821.131.1

ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ДЖУЗЕППЕ ТОМАЗИ ДИ ЛАМПЕДУЗА
ЛЕОПАРД. НОВЕЛЛЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.09.2017. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AUM-20839-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/